

* * *

В мясе большой воды не утаить прожилки,
Кто это тонет – ты ли, немой Господь?
Рыбы идут на дно – розовые опилки,
В черных кругах превозмогая плоть.

Топотом черных волн вдоль новгородских сказок,
Хвойных проказ, вылинявших лампад,
Господи! – ты красив. Пасынок и припасок
Запечатлел тебя. Воинство, водопад,

Синий, на букву «в», вышедший на разлуку
С мерой цветов – да в подпол иной воды,
Господи! – разреши музыку или муку,
Милый мой! – разреши сбиться такому звуку,
Чтобы и Китеж твой помнил мои следы.

* * *

Тает белая ткань, не сказать трава, –
Это детство в моей руке.
Это я, переехавший со двора
В самом белом грузовике.

Переезд под самый Страстной Пятак.
Письма брошены под кровать.
Белый грузчик заплакал, и стол промок.
Новый дом умеет летать.

И в его окно голубой рукой
Снеговая стучит пыльца –
Русской вербой, одиннадцатой строкой
Воскрешающего столбца.

* * *

Истончается черное кружево,
Извлекается ввысь по игле,
И пластинка, как будто простужена,
Все хрипит у меня на столе.

Вот и ангелы, будто простывшие,
Рот открыт – а слышится скрип, –
Не понявшие и не простившие
В водах памяти каменных рыб.

Будто сами разлуку не помните:
Воду ткать, стало быть, ремесло.
Распускается песня по комнате,
Отделяется тенью в стекло.

Помни, дева, две тени последние,
Слушай музыку, что на двоих, –
Это грустное кружево, тление,
Колебанье пустот ледяных.

Дюны памяти зыбки, но пройдены,
Без теней истончается дом.
...Жить без тайны, проститься без Родины
И молчать – без дорог, босиком.

* * *

На фонарной желтоглазой стуже
девочка плясала – как по нитке –
по струе подсолнечного света,
по лучистым палубам январским

Ноги-шпаги резали канаты
электрического озаренья.
По снеговью плавала девчонка,
словно обезьянка цирковая,
словно заводная тень, почти что
Эвридика, – девочка плясала

Эвридика – головокруженье –
приходи плясать на мой кораблик,
я тебе его давно готовлю:
смерти нет, а очи видят парус –
день рожденья безымянных истин,
день рожденья пушкинского снега.

Прячет ночь за рукавом, как честный шулер,
Нашу речь: «Еще ты, кажется, не умер...» –
И в растворе немоты ее протух
Зачарованный осоловевший зуммер,
Безымянный телефонный полуслух.

А в ночи – черноречивой и несладкой,
Неуютной, как осенний рыбий жир, –
Жабьим жаром над младенческой кроваткой
Набухает коммунальный наш ампир.

Этой ночью не встречаются трамваи,
Но в дыхательной системе красных строк
Вырастают, как надежды бугорок,
Как большие голубые Гималаи –
Цифры ангела, последний номерок.

Погляди, мол, покрути пластинку диска,
Может, музыка завертится сама...
Нас помилует советская прописка.
Жди, мой ангел, телефонного письма.

И язык, забыв грамматику, заплачет,
Оплывет, как по апрелю полынья:
– Спи спокойно, Бог с тобой, мой красный мальчик,
Абрикосовая девочка моя!..